

Адвокат Юрий Шмидт - о себе и о деле Ходорковского

Прошло два месяца с того дня, как Московский городской суд подтвердил решение Басманного районного суда об определении места проведения нового судебного процесса по делу Ходорковского и Лебедева. Их должны были привезти в Москву. Но их не привезли. Почему? Известный российский адвокат, давно специализирующийся на политических процессах, не знает ответа на этот вопрос. Но знает многое другое.

На встрече в Клубе региональной журналистики в Москве, он, пользуясь правом юбиляра (в тот день ему исполнилось

70), рассказал о себе, о том, как он стал адвокатом Ходорковского, о том, какие маленькие победы удалось одержать в этом процессе и какие перспективы он считает главными для себя.

НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Я работаю адвокатом всю свою жизнь. Когда я пришел в петербургскую коллегию адвокатов сразу после окончания университета, мне было 23 года. Надо сказать, что в молодости я был очень тощим, не мог ходить пешком, а только бегал. Выглядел крайне несолидно. В коллегии адвокатов я производил впечатление мальчишки, проходящего практику, но никак не адвоката. В 25 лет мне на день рождения подарили искусственную бороду. Для солидности. А мой шеф по стажировке однажды увидел, как я бегу с портфелем в руках. Я заставлял себя перейти на шаг лишь в 100 метрах от здания суда. Он сказал: "Бегать - только на стадионе. Адвокат не имеет права бегать. Иначе ты никогда не станешь солидным и заслуживающим доверия клиентов человеком".

Так случилось, что несколько лет я был самым молодым адвокатом в коллегии и самым молодым адвокатом в Ленинграде, чем очень гордился. Сейчас я в рядах ветеранов. Но, вероятно, единственный из людей моего возраста и профессии, отказавшись вступить в официальный Совет ветеранов, как впрочем, отказываюсь вступать в любые адвокатские руководящие структуры. С моей точки зрения, сегодняшняя адвокатура в значительной степени уступает советской по профессиональному уровню и по моральным качествам.

ДИССИДЕНТСКАЯ ПРОФЕССИЯ

В то время, когда адвокатура существовала как вынужденная уступка общественному мнению загнивающего Запада, когда мы были париями в юридической профессии и париями в социальном смысле, мы как-то держались лучше. Мы как-то чувствовали плечо друг друга. Мы знали друг о друге больше. Мы проявляли значительно больший интерес к делам других. Среди нас были настоящие авторитеты - не те, которых показывали по телевизору. А, кстати, по телевизору никого и не показывали. В прессе адвокаты, как правило, не упоминались. В крайнем случае - в некоторых отчетах об известных судебных процессах писали, что защищал этого шпиона Пеньковского или летчика Пауэрс адвокат Имярек. И все.

Так случилось, что я сам был из семьи лишенцев. Отец мой сидел, его арестовали в 1937 году, в год моего рождения. Я с ним познакомился, когда мне исполнилось без малого 20 лет. Он чудом остался жив, так же, как и мы с мамой чудом остались живы, пережив всю войну, и, в том числе, блокаду в Ленинграде.

Моя профессиональная карьера развивалась достаточно успешно, поскольку работу эту я очень любил. Я ее считал единственно возможной для себя в том мире, в котором всю жизнь пришлось прожить. Она была для меня формой разрешенной оппозиции. Конечно, нужно было проходить по острию ножа и не позволять себе перейти ту грань, за которой ты с этой профессией мог попрощаться. Но все-таки это была оппозиция, потому что мы противостояли государству.

Помню, у Синявского в одном рассказе описан разговор подследственного со следователем: "Почему вы со мной так обращаетесь? Я еще не осужденный, а только обвиняемый". Следователь подозвал его к окну,

выходящему на Лубянскую площадь, показал на улицу и сказал: "Ты видишь, там ходят люди. Вот они обвиняемые. А ты уже осужденный". Собственно, так оно и было в советское время.

Конечно, очень скоро круг моего общения вне профессии стал совершенно диссидентским и антисоветским. Этому способствовало и появление моего отца, и его друзей, тоже чудом выживших в лагере. Но сам я на пушечный выстрел не допускался к диссидентским делам. Ко мне несколько раз обращались весьма известные люди. Скажем, родственники Натана Щаранского, когда его посадили в тюрьму. Или родственники Сергея Ковалева. Но, когда я только попытался вступить в такой процесс, кажется, по делу Ковалева, я позвонил следователю в генеральском звании, который вел это дело. Он мне сказал: "По существующему положению ордер для ведения дела в Комитете государственной безопасности на стадии следствия должен быть подписан лично председателем Коллегии адвокатов". Когда сын Ковалева вместе с моим другом Арсением Рагинским пришли к нашему председателю президиума, тот, только услышав, о каком деле идет речь, и какого адвоката предлагают для ведения этого дела, устроил, как они мне рассказывали, истерику. Кричал: "Шмидту никак нельзя доверить такое дело. У Шмидта есть шесть частных определений от судов. Недавно мы ему строгий выговор объявили. Ни в коем случае. Я вам советую..." - и назвал несколько фамилий.

Спустя много лет выяснилось, что никаких официальных списков адвокатов, допущенных к делам Комитета госбезопасности, не было. Но в каждом конкретном случае фамилии согласовывались. Председатель Коллегии, как правило, сам знал, что этому адвокату ордер выдать можно, а этому - нельзя. А про этого, может быть, стоит позвонить и уточнить - можно или нет. Так они обычно и делали.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ

Но когда наступили новые времена, для меня сразу нашлась работа.

Андрей Дмитриевич Сахаров передал мне через Галину Васильевну Старовойтову просьбу принять защиту лидера армян Нагорного

Карабаха Аркадия Манучарова. Это был 1988-й год. Начиналась Перестройка, страна кипела, надежды наши воспарили к самым небесам...

В дело Манучарова мне удалось попасть достаточно легко. Хотя это тоже было спецдело с уголовной каймой, но совершенно политическим содержанием. После этого дела я решил для себя, что отныне веду только такие дела. Государство было уже не то, появилась возможность даже в общеуголовных делах добиваться относительного равноправия обвинения и защиты. Я решил, что буду вести только дела либо политические, либо имеющие высокое общественное значение, а не абы какие, как в прошлые годы.

В какой-то момент именно такие дела - с политическим подтекстом - как-то стали сами меня находить. Причем, совершенно не важно, были это дела петербургские, московские, грузинские, таджикские или узбекские. Эти дела меня находили. Поэтому фраза "мои дела меня находят сами" стала моим девизом с определенного времени. Так меня нашло дело Александра Никитина. Впрочем, если бы оно не нашло меня, я бы очень удивился. Ведь дело было в Петербурге. Сам Бог велел, чтобы обратились именно ко мне.

ТОСТ "НОМЕР ДВА"

И вот однажды, в ноябре 2003 года, сидя в гостях у своего друга Алексея Симонова, я увидел по ТВ репортаж об аресте Ходорковского И, чокнувшись с Алексеем Кирилловичем, я предложил ему тост "номер два". Дело в том, что в диссидентские времена мы постоянно собирались в наших, вошедших в историю, кухнях. Постоянно кого-то не досчитывались. Вчера еще был человек с нами, а сегодня он оказался в тюрьме. И было время, когда мы выпивали персонально за арестованных людей, а потом их стало так много, что какой бы повод для собрания мы ни находили - день рождения, Новый год, свадьбы, всегда кого-то не хватало. И вот, изменяя всем традициям, мы придумали тост номер два - "За тех, кто не с нами. За тех, кому плохо. За наших друзей, которые в беде".

Мы с Алексеем выпили тост номер два, потому что в это время несколько человек, включая Игоря Суягина, Валентина Данилова, нуждались в том, чтобы мы за них выпили. И, показав на экран, я говорю Симонову: "Это мой клиент". Алексей Кириллович посмотрел на меня довольно дикими глазами и говорит: "Этого не может быть. Ты когда-нибудь защищал таких богатых людей?" Я говорю: "Я не защищал таких богатых людей, но это - мой клиент. Это совершенно очевидно. Это политическое дело".

У меня интуиция сработала сразу же. По всему мерзкому тону подачи этого дела. По тому, что я успел

прочитать, послушать. Я привык своей интуиции верить и счастлив, что она меня не подвела. Потому что, когда я уже стал защищать Ходорковского, то понял, что моя интуиция была в чем-то верна, но мелковата. Я не представлял себе, до какой степени его ненавидит эта власть. И до какой степени он - жертва личной мести мелких и гнусных людишек, которые сегодня, к сожалению, определяют в нашей стране слишком многое.

Когда я в первый раз встретился с Михаилом Борисовичем, уже в тюрьме, уже имел его просьбу принять участие в команде его защитников, я ему напрямую сказал: "Михаил Борисович, если есть на свете менее похожие друг на друга люди, чем мы с вами, то я хотел бы на них посмотреть". Я человек абсолютно чуждый всякого бизнеса, лишенный начисто предпринимательской жилки. Я никогда в своей жизни ничего не купил дешево и не продал дорого. Это отнюдь не означает, что я не уважаю людей, которые умеют именно это делать. У некоторых это получается по-настоящему талантливо. А у некоторых - просто гениально. Я считаю, что дар финансиста, дар предпринимателя, дар управленца, менеджера, - это такой же дар от Бога, как любой другой талант.

Но есть еще один момент. Когда я увидел Михаила Борисовича в первый раз, я открыл рот от изумления. У меня есть фотография моего отца перед последним арестом в 1937 году. Единственная фотография молодого отца.

И это - одно лицо! Я Ходорковскому в тюрьму, потом уже, спустя долгое время, принес этот снимок. Он взял фотографию и смотрел на нее с совершеннейшим изумлением. Хотя никаких родственных связей между нами нет...

ПЕРВАЯ ПОБЕДА В ДЕЛЕ ХОДОРКОВСКОГО

Как вам известно, 20 марта произошло одно маленькое чудо. Тактика защиты по делу Ходорковского была выстроена с таким расчетом, чтобы не давать им возможности вздохнуть. Мы были намерены обжаловать все незаконные действия, которые предпринимают следователи и прокуратура. Мы их забросали жалобами. Мы обжаловали среди прочего и постановление следователя об определении места предварительного расследования очередного витка этого дела. Вы знаете, что местом расследования был выбран город Чита.

Естественно, на подавляющее большинство жалоб мы получали отрицательные решения. Хотя, надо сказать, определенных успехов мы добивались. Например, Ходорковский получил четыре взыскания за время нахождения в колонии Краснокаменска, но на сегодняшний день ни одного взыскания не имеет. Потому что три удалось отменить в суде, а одно ушло по сроку. Так что, он совершенно чистый человек, которому ничто не мешает быть условно-досрочно освобожденным.

Удалось кое-чего добиться и в Верховном Суде. По крайней мере, ограничения права на свидание с защитниками, которое, по-моему, специально для Ходорковского ввели в правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, нам тоже удалось отменить. Но, в основном, на жалобы, которые мы подавали, конечно, следовали отказы. Поэтому постановление об избрании Читы местом проведения предварительного следствия мы обжаловали просто потому, что мы его в любом случае обжаловали бы, как незаконное. Оно и было совершенно незаконным...

Михаил Борисович упорно запрещает комментировать все, что связано с его обращением в Европейский суд по правам человека. В какой-то момент он провозгласил для себя, что правосудия он должен добиться только в российском суде. Тем не менее, мы прекрасно понимаем, что все документы, в том числе, судебные отказы на наши жалобы, прокурорские отказы на наши ходатайства - все это ложится в досье Европейского суда по правам человека. Поэтому иногда поражение - это еще, как говорится, не вечер. То есть, все это будет учтено в тот момент, когда все-таки состоится настоящее судебное рассмотрение. Это будет не басманное правосудие, а совсем другое.

20 марта произошло нечто невероятное. Даже моя интуиция, которая

часто мне подсказывала больше, чем профессиональный анализ дел или обстоятельств, моя интуиция не подсказала мне ничего. Когда мы натолкнулись в коридоре Басманного суда на двух журналистов, которые шли из другого судебного зала, они поинтересовались: "Что у вас такое? Так что, нам остаться или как?". Я говорю: "Не надо вам оставаться. Можете позвонить мне вечером, а может прямо сейчас дать репортаж, что состоялось рассмотрение такой-то жалобы. Естественно, в удовлетворении этой жалобы было отказано".

Тем не менее, я не умею относиться к делам как к заведомо проигранным. Представьте себе ситуацию. Зал суда. Никого народу, абсолютно. Судья, прокурор, секретарь и мы с коллегой Еленой Випсер, которая

представляет интересы Лебедева. Предоставляется мне слово. Я начинаю с того, что абсолютно не верю ни в какое правосудие по делу Ходорковского. Я прекрасно, даже на вашем непроницаемом лице, госпожа председательствующая, читаю решение, которое будет оглашено спустя какое-то время. Но вы меня извините, я не умею исходить из того, что будет. Я все равно вам скажу все, что я хочу сказать. Вы услышите от меня от первого до последнего слова.

И минут сорок я разъясняю правовую сторону и незаконность всего этого мероприятия. Не стесняюсь, говорил, где принималось решение. Что Генеральная прокуратура и в первом и во втором уголовном деле использовалась в качестве послушного орудия. Что все решения принимаются на Старой площади, а самые главные принимаются в

Кремле. Но что есть и будет другой суд.

Поразительная ситуация. Прокуратура представила свои возражения против нашей жалобы. Она иногда возмущается решениями, которые принимают в Страсбурге, а ей бы думать о том, когда закладываются подводные камни, позволяющие и требующие от страсбургских судей отменять решения, принятые российскими судами, признавать их незаконными в той или иной степени... Это как раз тот самый случай.

Поразительным было то, что судья, которая за несколько дней до этого вынесла обвинительный приговор по делу двух сотрудников ЮКОСа - Переверзева и Малаховского - слушала, не перебивая. Один раз, когда я затронул личность самого гаранта, она было приоткрыла рот, чтобы сделать мне замечание. На что я сказал: "Ваша честь, не трудитесь. Я понимаю, что здесь все записывается. Я за каждое свое слово отвечаю". После этого выступила моя коллега. И судья объявляет перерыв до половины шестого.

Приходим примерно через два с половиной часа. Она начинает читать решение. А решение пишется: какой суд, с участием каких людей, что рассмотрел, что просят в жалобе обратившиеся, каково мнение прокурора по этой жалобе. Понять ничего невозможно, потому что бывают такие дела, когда по первым словам понимаешь, в какую сторону оно пойдет дальше. Здесь понять ничего невозможно. И вдруг какие-то проблески начинают появляться. Я Елену тихонечко локоточком в бок. Следующая фраза - я еще сильнее. Третья фраза - Боже! Кажется, невероятное все-таки должно случиться.

И когда оглашается решение: "Признать постановление заместителя генерального прокурора незаконным и необоснованным... И обязать его устранить допущенные нарушения..." В этот момент - нужно быть адвокатом, и адвокатом по призыванию, чтобы понять, какое чувство ты испытываешь в этот момент. Это еще, конечно, не победа. Это не оправдательный приговор. Но, мало того, что это щелчок по носу Генеральной прокуратуре, это психологически очень важный момент.

Потому что, все-таки, не все проходит, что они планируют, и что они намечают...

Дело в том, что в Чите планировался и судебный процесс. Это означало бы, что процесс, даже по формальным основаниям, не мог быть состязательным. Потому что в Читу мы бы не привезли ни одного свидетеля - никто бы туда не поехал из свидетелей защиты. В Читу мы не смогли бы привезти ни одного эксперта. Более того, если в первом процессе Ходорковского стоило только свиснуть, и все московские адвокаты выстроились бы в очередь для того, чтобы принять участие в этом деле, здесь мы столкнулись с трудностями, формируя команду.

Потому что многие уже понимали, что дело Ходорковского не принесет тех дивидендов, которые могло бы принести изначально. Скорее будешь отмечен определенным клеймом, с которым потом придется жить. Уж, по крайней мере, власть тебя любить не будет.

В общем, произошло чудо. Прокурор, естественно, опротестовал это решение суда. Мы терялись в догадках. Почему Басманный суд вынес такое решение? Что случилось? Журналисты задавали мне этот вопрос несколько дней по десять раз. Я стал отвечать: "А чему вы удивляетесь? Просто суд внес законное, обоснованное решение. Вот и все". В ответ раздавался дикий хохот, потому что никому в голову не приходило, что по делу Ходорковского суд просто может вынести законное, обоснованное решение.

Но мы и сами терялись в догадках: что случилось? Не будешь ведь исходить из того, что наши доводы, перлы красноречия и все остальное так подействовали на судью Ярлыкову, что она поддалась порыву... Я, естественно, в своем выступлении говорил всякие вещи. Например, что любая власть от людей, кроме одной - судебской власти. Эта власть от Бога. И так далее, и тому подобное. И что время скоротечно. И то, что сегодня временщики, сидящие в кабинетах на Старой площади, пытаются навязать через прокуратуру всему нашему обществу свою волю. Как сказал Михаил Борисович Ходорковский, им бы уже пора потихоньку

перебираться на свои дачи на Мальдивах... Что когда-нибудь спросят со всех и будут искать крайних. Потому что те, которые сидят в этих кабинетах, они крайними не будут, потому что все делают чужими руками. Но не это же на судью произвело впечатление!

Далее мы пришли выступать в Московский городской суд, возражая против кассационного представления прокурора. Мы волновались, скажу откровенно. Это был тест. Потому что, если это была самостоятельность судьи Ярлыковой, наше решение не стоило ломаного гроша. Но если это была не самостоятельность, то Егорова, председатель Московского городского суда, уже безусловно позаботилась о том, чтобы это решение осталось в силе.

И, надо сказать, произошло второе чудо. Оно заключается не столько в том, что решение оставили в силе, а кассационное представление отклонили. А в том, что определение Московского городского суда было написано еще лучше и еще сильнее и убедительнее по доводам, чем решение Басманного суда. Я знаю, что к ним иногда поступает команда: "Вы там спустите на тормозах". И судья, получив такую команду, отписывает коротенькое формальное решение, потому что понимает, что этого потребовала власть. Он не вкладывает туда ни души, ни ума. Но Московский городской суд написал документ, который можно помещать в книгу образцов. Они вспомнили все. Правда, они, в основном, переписали наши возражения на кассационное представление прокурора, но возражения адвокатов - это одно, а когда судебный документ - совсем другое. Когда в нем идут ссылки и на все статьи Конституции, и на Европейскую конвенцию о правах человека, и на нормы уголовнопроцессуального кодекса из первой части, где как раз заложены принципы законности, справедливости и прочее, когда читаешь такой документ, понимаешь, что за этим все-таки что-то стоит. Это свидетельство какой-то борьбы. Кому-то нужно доказать, что это сделано, потому что не сделать это было невозможно...

ОН ВСЕ ЕЩЕ В КРАСНОКАМЕНСКЕ

Рассмотрение дела в Московском городском суде состоялось 16 апреля. С этого дня я не могу спокойно жить. Я все время жду, когда же, наконец, их привезут в Москву. Я знаю, что между Читой и Москвой шесть часов разницы. Утром, в 6 часов я звоню в Читу адвокатам и спрашиваю, направили ли на этап Михаила Ходорковского и Платона Лебедева? И каждое утро убеждаюсь, что они все еще в Чите. Что происходит - понять невозможно. Какая-то подковерная возня. Но какая? Следствие приостановлено. Ознакомление с материалами дела, которое началось в середине февраля и продолжалось до середины апреля, прервано.

Половина томов из 127-ми нами еще не прочитана. Они не скопированы. Адвокаты ходят к клиентам. Мы меняем друг друга, приезжая в Сибирь вахтовым методом. Беспрепятственно можем ходить в тюрьму. А что происходит с делом, никто не отвечает. Местные, читинские, следователи ничего не понимают и не знают. Начальник изолятора не знает ничего. А если и узнает что-то, наверняка не скажет. Потому что день, когда отправляют на этап - это государственная тайна.

Когда Михаила Борисовича отправляли в Краснокаменск, его везли в отдельном вагоне поезда шесть дней. И все эти шесть дней, приходя в изолятор, мы слышали стандартный ответ: "У нас карантин. Поэтому свидания мы дать не можем". А его уже там не было. Потом мы приходили, а начальник говорил: "Да, карантин сняли, но к нам еще не пришла бумага из городского суда, что приговор вступил в законную силу". Мы выходили из себя, доказывая, что никакая бумага не лишает права на получение свидания. А потом оказалось, что в это время как раз он ехал по этапу.

Здесь они, наверняка, тоже затемнят ситуацию. А, может быть, думают, как это сделать. А, может быть, думают о чем-то еще. Не знаю...

ЗА ЧТО СНЯЛИ УСТИНОВА?

У меня такое ощущение, что Устинова сняли именно за то, что Ходорковский получил слишком маленький срок. А Чайку поставили для того, чтобы Ходорковский получил по полной программе. По обвинению, которое предъявлено сегодня, он может получить 22,5 года наказания. Плюс к тому, что у него остался неотбытый срок.

Один из моих коллег имел возможность разговаривать с Чайкой. Он передал мне разговор. Чайка орал истошным голосом: "Как могли дать всего 8 лет? А Шохин - дурак (это прокурор в нашем деле), просил 10 лет. Хотел бы я знать, сколько он получил, чтобы попросить всего 10 лет".

Когда Чайка произносил "тронную речь", заступая на должность, казалось, что он действительно хочет покончить с коррупцией в прокуратуре. В это застоявшееся болото внести свежую струю. Он же тогда сказал:

"Мы обязаны прекратить немало дел, незаконно возбужденных. Мы обязаны возбудить некоторые дела, незаконно прекращенные". Это абсолютно щедринский губернатор, который произнес громовую речь, а кончилось все абсолютно ничем. Переставлены некоторые лица местами, кто-то из прокуратуры ушел вслед за Устиновым в Министерство юстиции, тот же Колесников. Бирюков, который курировал следствия по особо важным делам, пересел в кресло сенатора. Хотя, сколько было разговоров и про прекращенное Бирюковым дело "Трех китов" и так далее. Ничего не произошло практически.

ЗА ЧТО ОНИ СИДЯТ?

То обвинение, которое предъявлено Ходорковскому и Лебеву сегодня, это обвинение даже не абсурдное. Это обвинение шизофреническое, маразматическое. Обвинение заключается в следующем. Первое. Вся нефть, добытая ЮКОСом и его компаниями за шесть лет, была полностью украдена преступной группой в лице Ходорковского, Лебедева и еще нескольких человек. Вы можете себе представить, чтобы было предъявлено такое обвинение? Вся добытая нефть! Допустив ряд арифметических ошибок, они еще приписали несколько миллионов тонн нефти сверх того, что было реально добыто.

Чуть не 150 тысяч сотрудников входило в холдинг. Они все эти шесть лет получали зарплату. ЮКОС развивался. Капитализация выросла в несколько раз. Какие источники были для этого у ЮКОСа, кроме добычи нефти? Естественно, никаких. Только добыча нефти и ее реализация. При таком положении только ненормальный человек может говорить, что вся нефть, которая была добыта - украдена. Мы рассчитываем показать всему миру, что это бред.

КАК ОН ТАМ, В КРАСНОКАМЕНСКЕ?

Внешне он так же неотразим, как и был. То, что он похудел, ему даже идет. Сила духа этого человека - я за 45 лет работы мало похожих людей встречал. Он не только не сломлен, он умеет сохранять холодное спокойствие. Он стал даже сильнее, если можно говорить о том, что человек такой лепки, такой выделки, как он, может от чего-то стать сильнее. Так что, морально, психологически он выдержит и не сломается. Единственное, что меня беспокоит, это состояние его здоровья. Там всякие случайности бывают, и тревога меня не покидает.

Записала Елена Веселкова

СПРАВКА

Юрий Шмидт

Председатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека.

Адвокат, лауреат премии "Фемида", председатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека. Инициатор введения курса "Права человека" в школьную программу. Выступал в роли представителя защиты в ряде громких судебных процессов (процессе по делу капитана Никитина; процессе по делу об убийстве депутата Госдумы Сергея Юшенкова), часто добивался оправдания подзащитных. Был адвокатом на процессе по так называемому "делу ЮКОСа".

Юрий Маркович Шмидт родился 10 мая 1937 года в Ленинграде. В 1960 году окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. В том же году был принят в Ленинградскую городскую коллегия адвокатов (специализация - ведение уголовных дел).

С начала 1960-х годов Шмидт был связан с диссидентскими кругами, принимал участие в издании ряда "самиздатовских" журналов и сборников. Неоднократно вызывался на допросы; дома у Шмидта проходили обыски.

В 1988-1989 годах Шмидт, по просьбе академика Андрея Сахарова, вел защиту одного из лидеров армянского демократического движения - Аркадия Манучарова. В 1991 году по просьбе Сергея Ковалева в Верховном суде Грузии выступил адвокатом руководителя Юго-Осетинской Республики Тореза Кулумбекова.

В 1991 году создал общественную правозащитную организацию - Российский комитет адвокатов в защиту прав человека. Шмидт был избран председателем этой организации. С февраля 1996 года Шмидт вел дело сотрудника экологической организации "Беллуна", капитана 1 ранга запаса Александра Никитина, обвиняемого в госизмене. На основании публикаций в СМИ Никитин подготовил доклад для этой организации, доклад об авариях на атомных подводных лодках Северного флота. Шмидту удалось доказать, что в законе о

государственной тайне никакого ограничения на информацию об экологических катастрофах не было. В декабре 1999 года приговором Санкт-Петербургского городского суда Никитин был оправдан.

В 1996-1997 годах Шмидт вел дело в защиту прав русского военного пенсионера Андрея Мирошниченко, которого правительство Эстонии незаконно пыталось депортировать. После убийства депутата Госдумы Галины Старовойтовой, Шмидт принял на себя обязанности представителя семьи погибшей в расследуемом уголовном деле.

В 1996 году Московский клуб юристов назвал Шмидта лучшим юристом года. В марте 1997 года Шмидту удалось подтвердить право любого гражданина, обвиняемого в уголовном преступлении, приглашать адвоката, не навязанного извне, а по собственному выбору. В 1997 году Шмидт получил высшую юридическую премию России "Фемида". В октябре 2005 года в Адвокатскую палату Санкт-Петербурга поступило представление из Федеральной регистрационной службы о лишении Шмидта адвокатского статуса. По утверждению прокуратуры, защитники Ходорковского и Лебедева "вступили в сговор с целью срыва процесса". 10 ноября 2005 года Квалификационная комиссия Адвокатской палаты Петербурга отказалась лишить Шмидта адвокатского статуса, не усмотрев в его действиях нарушений профессиональных норм этики.

Автор: Артур Скальский © Иркутская торговая газета ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 4535 21.06.2007, 12:58 📌 163
URL: <https://babr24.com/?ADE=38527> Bytes: 26844 / 26829 Версия для печати Скачать PDF

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)